

работ аспирантов и студентов Исторического факультета / под ред. А. М. Селиванова. Вып. 7. Ярославль: Ярославский государственный университет, 2002. С. 111–112.

7. *Коняев А. Е.* Жизнь замечательных нотариусов. Краткие биографии выдающихся тружеников нотариата Ярославского края пореформенного периода. Ярославль, Рыбинск: Рыбинский дом печати, 2021.

8. *Коняев А. Е., Кистенёва С. В.* История одного портрета. Угличский нотариус Иван Иванович Башилов: подробности биографии: коллективная монография. Ярославль, Рыбинск: Рыбинский дом печати, 2017.

9. О преподавании архипастырского благословения // Ярославские епархиальные ведомости. Ч. офиц. 1901. № 23. С. 346–347.

10. Памятная книжка Ярославской губернии на 1906 год. Издание Ярославского губернского статистического комитета / сост. член-секретарь Комитета С. Н. Беллерт. Ярославль: Типография Губернского правления, 1906.

11. Ростов Великий // Энциклопедический словарь. Изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. Т. XXVII. СПб.: Типография АО «Издательское дело, бывшее Брокгауз-Ефрон», 1899. С. 136–138.

12. Служебные перемены // Ярославские губернские ведомости. Ч. офиц. 1898. № 160. С. 1.

13. Справочная книга Ярославской губернии на 1908 год. Издание Ярославского губернского статистического комитета / сост. член-секретарь Комитета А. П. Морозов. Ярославль: Типография Губернского правления, 1908.

14. Углич // Энциклопедический словарь. Изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. Т. XXXIV-А. СПб.: Типография АО «Брокгауз-Ефрон», 1902. С. 492–494.

УДК 94(47).083

В. И. Короневский,

лаборант-исследователь, Санкт-Петербургский государственный университет

УПОДОБЛЕНИЕ ЧЛЕНОВ ИМПЕРАТОРСКОЙ СЕМЬИ ПРАВОСЛАВНЫМ СВЯТЫМ КАК СПОСОБ ЛЕГИТИМАЦИИ ВЛАСТИ МОНАРХА В ПОЗДНЕЙ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (на примере культа св. Евфросинии Полоцкой)

В последние десятилетия своего существования российская монархия, нуждалась в дополнительной легитимации. Статья посвящена попыткам конструирования более благочестивого и близкого народу образа членов императорской семьи при помощи обращения к фигурам почитаемых святых.

Ключевые слова: Евфросиния Полоцкая, православие, Николай II, легитимация

© Короневский В. И., 2022

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 21-48-04402): "RSF-DFG: Святые и герои: От христианизации к национализму. Символ, Образ, Память (Северо-Западная Россия, страны Балтии и Северной Европы)"

V. I. Koronevsky,

Research laboratory assistant, St. Petersburg State University (SPbU)

**IDENTIFICATION OF THE IMPERIAL FAMILY MEMBERS
AS ORTHODOX SAINTS AS A WAY TO LEGITIMATE THE
POWER OF THE MONARCH IN THE LATER RUSSIAN EMPIRE
(on the example of the cult of St. Euphrosyne of Polotsk)**

In the last decades of its existence, the Russian monarchy needed additional legitimation. The article is an attempt to construct a more pious and close to the people image of members of the imperial family by referring to the figures of revered saints.

Keywords: Euphrosyne of Polotsk, Orthodoxy, Nicholas II, legitimation

Апелляция к культам почитаемых в народе святых для повышения легитимности власти правителя не являлась чем-то необычным ни для Российской империи, ни для любой другой европейской монархии. В истории России одним из наиболее ярких образцов подобного является, например, сравнение св. Александра Невского с Петром I в годы правления последнего [12, с. 140–141].

Такого рода практики, бывшие востребованными в эпоху расширения и укрепления империи, не могли не обрести еще большей значимости в кризисные для нее времена. При Александре III, вступившем на престол после потрясшего российское общество убийства Александра II народолюбцами, значительный размах обретают масштабные религиозно-патриотические мероприятия, призванные сплотить население вокруг православного царя. Крупнейшим из них стало празднование в 1888 г. 900-летия Крещения Руси, ставшее прообразом большинства последующих торжеств, организованных уже при его преемнике. Хотя сам император и не присутствовал на основных торжествах, проходивших в Киеве, сопутствующая мероприятию пропаганда делала акцент на его роли в организации празднования, подобно тому, как роль Владимира подчеркивалась в деле самого Крещения [13, с. 17]. Владимир интерпретировался как «второй Константин» или даже «второй Павел», а Александр III – как его современный аналог, подобный и самому Владимиру, и Константину [13, с. 19]. Сравнение со столь значимыми святыми сообщало дополнительную легитимность фигуре царя, словно подвергая ее еще большей сакрализации.

Подобные параллели еще сильнее проявились в годы правления Николая II, причем на всех уровнях: начиная с коронационных торжеств, где звучали слова о том, что Николай является для России тем же, чем был Давид для народа Израиля [13, с. 98], и заканчивая провинциальной религиозной прессой, где император мог уподобляться особо

почитаемым в той или иной местности святым – например, князю Глебу [3, с. 573].

Новый император нуждался в подобной легитимации в несравненно большей степени, чем некогда его отец. Нерешенные социальные проблемы подрывали его популярность в среде подданных, что стало особенно заметно после 1905 г. Неодобрительным разговорам о царе, который «не дал землю» и «спавивает народ» [8, с. 49, 50, 208], нужно было найти противодействие. К тому же, в эпоху развития периодической печати и повышения уровня публичности власти правящая фамилия должна была заботиться о соответствующем образе не только абстрактной царской власти, но и конкретных представителей династии Романовых. В первую очередь, монархия должна была стать более близкой и понятной народу. Способы изыскивались разные: выходили, например, брошюры, изображающие царя и его семью как скромных тружеников, близких нуждам народа [10, с. 216–217]. Однако главным источником образов, способных сблизить власть и народ, являлась православная вера и православные святые, как правило, жившие во времена воспринимаемой в полуутопическом ключе допетровской Руси.

В годы правления Николая II масштабных празднеств в свою честь удостоилось несколько святых, среди которых наиболее значимыми были Серафим Саровский, Анна Кашинская, патриарх Гермоген и Евфросиния Полоцкая. Последней была посвящена торжественная церемония перенесения ее мощей из Киево-Печерской лавры в Спасо-Евфросиниевский монастырь, вылившаяся во внушительное религиозно-патриотическое мероприятие, не имевшее аналогов в истории Северо-Западных губерний Российской империи.

Следует оговориться, что доминирующей идеей, красной нитью проходившей через всю символику торжества, являлось утверждение «исконно русского и православного» облика Северо-Западного края, однако эту линию, равно как и содержащийся в идеологии мероприятия мощный антикатолический заряд, мы оставим в стороне, поскольку к заявленной теме они не относятся. Нас интересует другой мотив, в масштабах всей Российской империи имеющий даже большую важность, чем русификация Западных окраин. Речь идет о попытке сблизить фигуру императора и членов его семьи с наиболее почитаемой локальной святой, коей в Полоцке, безусловно, являлась св. Евфросиния.

Несмотря на то, что сам Николай II не смог лично присутствовать на церемонии, вместо него в Полоцк прибыла целая группа представителей императорского дома: великий князь Константин Константинович с сыновьями Игорем и Олегом, королева Греции Ольга Константиновна и великая княгиня Елизавета Федоровна. Их роль не ограничивалась формальным присутствием на торжествах. Наоборот, согласно разрабо-

танному плану, они должны были принять активнейшее участие в мероприятии. Так, сам Константин Константинович принимал участие в транспортировке мощей и лично раздавал полоцким кадетам освященные у мощей иконы святой [4, с. 294], а Елизавета Федоровна «всю ночь, не сменяясь, простояла у раки Преподобной, оправляя ее покров и служа крестьянам – подавала им иконки, вату, омоченную елеем из лампады и пр.» [7, с. 190]. Выходившие в то время брошюры акцентировали внимание на набожности, проявленной высочайшими особами, а Елизавета Федоровна и вовсе сравнивалась «с ангелом, с неба спустившимся в Полоцк» [5, с. 63]. Великая княгиня, облаченная в одежды основанной ей Марфо-Мариинской обители и демонстрировавшая искреннее благочестие, вызывала у рядовых участников церемонии интерес и благоговение [4, с. 291]. Сам образ Елизаветы Федоровны прекрасно подходил для участия в церемониях, посвященных святым инокиням, прославившимся при жизни смирением и христианскими добродетелями – именно такой была Евфросиния Полоцкая. Ту же роль играла великая княгиня и в торжествах 1909 г., посвященных Анне Кашинской (интересно, что к 1910 г. было написано немало икон, на которых Анна и Евфросиния изображались вместе [9, с. 81], что наталкивает на мысль о сознательном сближении их образов). При жизни Анна, как и Елизавета Федоровна, лишилась супруга и по этой причине тяжело страдала. Таким образом, выстраивалась своеобразная параллель между благочестивой древнерусской святой Анной Кашинской, вдовой варварски убитого татарами Михаила Ярославича, и благочестивой Елизаветой Федоровной, вдовой убитого революционерами Сергея Александровича. В свою очередь, на Евфросинию Полоцкую великая княгиня походила тем, что так же, как и она, основала женскую обитель. Участие в торжествах Елизаветы Федоровны, которая, безусловно, отличалась искренней набожностью, оказывало благотворное влияние на образ императорской семьи, поскольку через великую княгиню, сходство которой с Евфросинией Полоцкой и Анной Кашинской очевидно подчеркивалось, демонстрировались одновременно и близость династии к народу, и ее подлинно «народное», искреннее благочестие. Местное духовенство активно способствовало распространению этой идеи. Звучали речи о том, как сложно не заметить «черт, сродных с Праведной Евфросинией в ее отдаленных сродниках» – великой княгине Александре Петровне и великой княгине Елизавете Федоровне [6, с. 656]. На наш взгляд, именно Полоцкие и Кашинские торжества 1909–1910 гг. внесли существенный вклад в развитие образа женщин династии Романовых как «ангелов», «инокинь», «милостивых сестер милосердия», который будет активно транслироваться через средства государственной пропаганды уже в годы Первой мировой войны [8, с. 276–277, 379–380].

Самому императору, публичный образ которого все же заметно отличался от образов Александры Федоровны или Елизаветы Федоровны, отводилась двоякая роль. Во-первых, делался акцент на том, что именно благодаря решению Николая II мощи святой наконец-то вернулись в ее родной город [5, с. 2]. Его представляли благодетелем, покровителем святых торжеств, подобно тому, как К. П. Победоносцев представлял Александра III главным покровителем празднеств 1888 г. Во-вторых Николай характеризовался как «потомок» Евфросинии и, отчасти, продолжатель ее дела по укреплению православной веры. Об этом говорилось не только в изданных в 1910 г. брошюрах [11, с. 14], но и в официальных речах, произносимых в кафедральном соборе [6, с. 651]. Образ милостивого и почти «по-отечески» относящегося к своим подданным царя, находящегося, тем не менее, слегка «над» происходящим, дополнялся императорским рескриптом на имя Киевского митрополита Флавиана (Городецкого) и телеграммой на имя Полоцкого епископа Серафима (Мещерякова), в которых Николай, «радуясь вместе со всеми», выражал свое благоговение перед святыней и удовлетворение происходящим [2, с. 192; 1, с. 173].

Рассмотренный нами случай с Евфросинией Полоцкой является всего лишь одним из эпизодов имевшего место в конце XIX – начале XX вв. конструирования приемлемого образа императорской власти. Наиболее характерные черты этого образа – благочестие и «народность», обращенные в прошлое, во времена святой допетровской Руси – удобнее всего было культивировать именно при помощи апелляции к фигурам почитаемых в народе православных святых.

Библиографический список

1. Высочайшая телеграмма // Полоцкие епархиальные ведомости. 1910. № 19. С. 173.
2. Высочайший рескрипт, данный на имя Пресвященного Митрополита Киевского Флавиана // Полоцкие епархиальные ведомости. 1910. № 22. С. 191–192.
3. *Дамиан, архимандрит*. Не в силе Бог, а в правде // Смоленские епархиальные ведомости. 1915. № 17. С. 570–575.
4. Дневник великого князя Константина Константиновича. 1909–1910 гг. / под ред. Т. А. Лобашковой. М., 2015. 560 с.
5. *Довгялло Д. И.* Перенесение св. мощей преп. Евфросинии из Киева в Полотск. Подробное описание церковно-народных торжеств по пути следования св. мощей с изображением преподобной Евфросинии и многими рисунками. Вильна, 1910. 80 с.

6. *Евграф (Овсянников), протоиерей*. Слово в день Священного Коронавания Их Императорских Величеств // Полоцкие епархиальные ведомости. 1910. № 28. С. 651–661.

7. *Евлогий (Георгиевский), митрополит*. Путь моей жизни: Воспоминания митрополита Евлогия, излож. по его рассказам Т. Манухиной. М., 1994. 678 с.

8. *Колоницкий Б.* «Трагическая эротика»: Образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М., 2010. 664 с.

9. *Мысливец Г. М.* Традиция шанавання Еўфрасіні Полацкай: генезіс, развіццё, сучаснасць: дыс. ... канд. гіст. навук. Мінск, 2015. 160 с.

10. *Подболотов С.* Царь и народ: популистский национализм императора Николая II // *Ab Imperio*. 2003. № 3. С. 199–223.

11. Торжественное перенесение святых мощей преподобной Евфросинии, княжны Полоцкой из Киева в Полоцк (19 апреля – 22 мая 1910 года). Киев, 1913. 69 с.

12. *Шенк Ф. Б.* Александр Невский в русской культурной памяти. М., 2007. 592 с.

13. *Strickland J.* The Making of Holy Russia: The Orthodox Church and Russian Nationalism Before the Revolution. Jordanville, New York. 2013. 305 p.

УДК 94:352:281.93

В. Л. Кукушкин,

доцент, Вологодская государственная молочнохозяйственная академия имени Н. В. Верещагина

И. А. Кукушкина,

преподаватель, Вологодский областной медицинский колледж

ЗЕМСКОЕ СЛУЖЕНИЕ ВОЛОГОДСКОГО СВЯЩЕННИКА А. В. БЕЛЯНОВСКОГО

В статье описывается участие священника Русской Православной Церкви А. В. Беляновского в деятельности земского самоуправления Вологодской губернии в 1868–1911 гг.

Ключевые слова: Местное самоуправление, земство, земская медицина, земское образование, православная церковь, православное духовенство